
Влада
ОДИНЦОВА
Кавказский
БРАК
ТЫ МНЕ ОБЕЩАНА
18+

Влада Одинцова

Кавказский брак. Ты мне обещана

https://litres.ru/73569353
SelfPub; 2026

Аннотация

- Согласны ли вы, Максим…

- Имя не то! - громыхает Идрис и, оттолкнув моего отца, идет к нам.

- В каком смысле? - дрожащим голосом спрашивает регистратор.

- В прямом, - переводит на нее тяжелый взгляд. - Мое имя Идрис.

- Но жених…

- И жених я. Что же ты не рассказал дочери о том, как продал ее три года назад за заводик, м? - спрашивает моего отца.

- Вы кто вообще такие? - спрашиваю с истерикой в голосе.

Он чуть наклоняется, сближая наши лица.

- Я - твой покупатель. Продавец твой отец. Прямо в рифму, - усмехается. - И мать. Продолжайте.

Я срываюсь с места, чтобы побежать к маме, но он хватает меня за локоть и рывком возвращает к алтарю.

- Говори “да”, - рычит на меня.

- Я не хочу.

- А я не спрашиваю. И твой отец не спрашивал. Если не скажешь “да”, ему прострелят башку. Ну?

Бросаю взгляд на папу, к виску которого приставлен пистолет. Всхлипнув, накрываю рот ладонью.

- Да, - вырывается из меня вместе с истерикой.

- Объявляю вас мужем и женой, -как приговор звучат слова регистратора.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	56
Глава 11	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Влада Одинцова
Кавказский брак.
Ты мне обещана

Глава 1

День моей свадьбы превратился в день моих похорон…

Я стою в белом платье перед выходом из гостиничного комплекса. За развевающимся белым тюлем длинный проход. Через пару минут я пройду по нему под руку с отцом. Он передаст меня моему жениху, Максиму, и совсем скоро я стану Меланией Антоновой. Замужней женщиной.

Не знаю, почему папа решил выдать меня замуж так рано. Мне всего девятнадцать, я закончила первый курс института. Но он сказал, что так надо.

Максима я знаю давно, он сын делового партнера папы. Между нами всегда была симпатия, но глубоких чувств не случилось. Отцы считают, что это придет со временем, а сейчас важно создать семью.

– Готова? – спрашивает папа и выставляет локоть, за который я тут же хватаюсь.

Тюль разлетается чуть сильнее, открывая мне вид на сидящих на стульях гостей.

Мама всматривается в мою сторону. Уже который день она слишком взволнована и, мне кажется, даже напугана. Но на все мои вопросы отвечает, что, мол, просто беспокоится, чтобы свадьба прошла гладко. Я ей не верю, но пытаться из нее вытянуть правду бессмысленно.

Сотрудники фирмы-организатора торжества раздвигают тюль, и мы с отцом выходим из здания. В этот же момент начинает играть марш Мендельсона, заставляя кожу покрываться мурашками.

Это очень трогательный момент, но все во мне кричит о том, что он очень неправильный. Не так все должно было быть! Когда в детстве представляла себе свою свадьбу, я была уверена в том, что буду идти вот так к любимому мужчине, а не к Максиму, который смотрит на меня вроде как с ласковой улыбкой, но в то же время будто равнодушно.

Изо всех сил стараюсь держать спину прямо, а голову – высоко поднятой. В конце концов, я дочь успешного бизнесмена. Будущий врач. Мне не пристало раскисать. Хотя очень-очень хочется.

Половина прохода позади, и ноги дрожат уже не так сильно.

– Денис! – внезапно восклицает мама и, вскочив со своего места, смотрит куда-то нам за спину.

Мы останавливаемся и оборачиваемся. Я каждой порой чувствую, как сильно вдруг напрягся папа.

Из тех дверей, из которых мы только что вышли, выступа-

ют три здоровенных мужика в черных костюмах. Кавказская внешность, суровые взгляды и такие габариты, что я себе кажусь какой-то букашкой на их фоне.

По телу прокатывается волна дрожи. Внутренности сковывает холод. Я еще даже не знаю, кто они такие, но мне уже страшно.

Это гости?

Если да, то с чьей стороны?

Тот, что идет посередине, окидывает меня внимательным взглядом. Настолько внимательным, что становится не по себе и хочется спрятаться за папой.

– Черт, – произносит мой отец каким-то не своим голосом. – Мелания, быстро к Максиму. – А потом внезапно повышает голос: – Идрис! Рад тебя видеть, дорогой гость! Что же ты не предупредил, что…

Я тороплюсь к алтарю, но все время оборачиваюсь. И каждый раз по коже пробегает стадо мурашек, потому что этот громила продолжает пялиться на меня.

– Оставь эти почести для друзей, Денис, – низким голосом отзывается этот Идрис. Мне кажется, его голос врезается в меня и вибрирует во внутренностях, прокатывается по телу и сотрясает кончики пальцев. – Ты знаешь, зачем я пришел.

– Давайте уже жените! – нервно выкрикивает мой отец, как раз когда я останавливаюсь возле Максима и регистратора.

– Что происходит? – спрашиваю, видя, как отец стирает

со лба испарину.

Все гости будто затаились и не дышат, глядя на происходящее. Моя мама, пошатываясь, подходит ко мне и вцепляется в мою руку похолодевшими пальцами.

– Мама, кто это? – спрашиваю севшим голосом. – Что вообще происходит? Мне объяснит кто-нибудь наконец? – восклицаю нервно и ловлю взгляд устрашающего мужчины.

Он усмехается, склонив голову набок.

Из здания выходят еще несколько людей, и все они вооружены.

– Какого хрена? – спрашивает Максим.

Меня невероятно сильно трясет. Сердце колотится аж в горле, а в ушах я слышу шум крови.

– Мама? – снова зову, но она будто онемела. Стала белая, как полотно, и тоже смотрит на громилу Идриса.

– Да жените же! – рявкает мой отец.

Регистратор начинает что-то говорить, но я ее не слышу.

– Быстрее, – вклинивается Максим. – Опустите лирику. По делу.

– Согласны ли вы, Максим…

– Имя не то! – громыхает Идрис и, буквально оттолкнув моего отца, идет к нам.

Мое тело натягивается, словно струна.

Где папина охрана, черт подери?! Когда они не нужны, снуют повсюду. А сейчас, когда в них такая острая необходимость, будто сквозь землю провалились!

Мой взгляд мечется по территории гостиничного комплекса, но ни одного охранника папы я не вижу. Скольжу по гостям, одетым в сиреневое и черное, как было предусмотрено дресс-кодом мероприятия. Мамина задумка, которую я считаю глупостью, но что ж, в организации свадеб я не сильна.

Когда мой взгляд возвращается к Идрису, он уже стоит рядом.

Я думала, мой жених высокий, но этот мужик, словно гора. И, судя по всему, значительно старше меня.

Пугающий. До ужаса. До трясущихся коленей.

Где папа?! Почему он замолчал?!

А регистратор почему молчит?!

Перевожу на нее взгляд и вижу, как она пятится назад. Но за ее спиной вырастает один из вооруженных мужчин, и она, вздрогнув, возвращается на место.

– Имя неправильное, – повторяет Идрис.

– В каком… в каком смысле? – дрожащим голосом спрашивает регистратор.

– В прямом, – переводит на нее тяжелый взгляд, под которым она как будто даже пригибается. – Мое имя Идрис.

– Но жених…

– И жених я.

– Что? – спрашиваю одним губами. Голос пропал, и я не могу выдавить из себя ни звука.

Идрис поворачивает голову и смотрит на моего отца. Он

стоит, зажатый между двумя амбалами Идриса. Бледный, испуганный. Такое ощущение, что вот-вот рухнет в обморок. Прямо рядом с мамой и, кажется, со мной.

– Что же ты не рассказал дочери о том, как продал ее три года назад за заводик, м? – спрашивает, а я хмурюсь еще сильнее.

Мама начинает всхлипывать.

Я внимательно слежу за тем, как лицо папы перекашивает.

– У нас был уговор, Идрис! – рявкает он хрипло и оттягивает воротник белоснежной рубашки, ослабляя узел галстука.

– Вот именно, Денис. Был. А ты его нарушил. Так что я пришел забрать то, что мне причитается.

– Дай мне еще… месяц! – выкрикивает отец. – Всего месяц! Я… я выполню условия!

– У тебя было три года. Больше ждать я не готов. Так что… – Он оборачивается к регистратору. – Жените. Повторю имя, а то с перепугу забыла, наверное. Идрис.

– Согласны ли вы И… Идрис…

– Стоп! – выкрикиваю сиплым голосом. Идрис смотрит на меня, приподняв бровь. – Вы кто вообще такие?

Он чуть наклоняется, сближая наши лица.

– Я – твой покупатель. Продавец твой отец. Прямо в рифму, – усмехается. – И мать.

– Лана… – хрипит мама. Перевожу на нее взгляд. Она хватается з горло и пытается дышать, но выходит, похоже, не

очень хорошо, потому что на лице паника. – Лана…

– Мама! – выкрикиваю.

– Лана, прости.

Она оседает, и ее тут же подхватывает ее брат. Усаживает на стул.

– Аня, Аня, дыши, – произносит быстро. – Дыши, говорю!

– Продолжайте, – приказывает Идрис, а я стреляю в него взглядом. Срываюсь с места, чтобы побежать к маме, но он хватает меня за локоть и рывком возвращает к алтарю.

– Отпусти ее, мразь! – кричит папа.

Гости собираются вокруг мамы. Причитают. Кто-то машет на нее веером, кто-то поит водой. Я хочу к ней. Хочу остановить этот ужас, но Идрис снова дергает меня за руку, заставляя повернуться лицом к регистратору.

– Говори “да”, – рычит он на меня.

– Я не хочу, – качаю головой.

– А я не спрашиваю. И твой отец не спрашивал. Если не скажешь “да”, ему прострелят башку. Ну?

Бросаю взгляд на папу, к виску которого приставлен пистолет. Всхлипнув, накрываю рот ладонью.

– Да, – вырывается из меня вместе с истерикой.

– Объявляю вас мужем и женой, – как приговор звучат слова регистратора.

Глава 2

– Про поцелуй можно опустить, – бросает Идрис и, схватив меня за локоть, тащит в сторону здания.

– Отпусти! Папа! Мама! Максим, сделай что-нибудь!

– Сволочь! Отпусти ее! – кричит мама. Хватает меня за вторую руку, но ее оттаскивают. – Отпусти! Ты не имеешь права!

– Я никуда с тобой не пойду! – выкрикиваю и пытаюсь выдернуть локоть из его хватки.

– Посмотрим, как мозги твоего отца украсят сиреневое платье этой гостьи? – спрашивает, притормаживая.

Я всхлипываю и качаю головой, глядя на расстеленную красную дорожку, ведущую от входа в здание к алтарю.

– Так я и подумал.

Идрис тащит меня дальше, а я захожусь рыданиями, то и дело спотыкаясь о подол своего роскошного свадебного платья.

Как же так вышло? Почему этот Идрис считает, что может вот так просто ворваться на мою свадьбу и украсть меня с нее?

Но сейчас просто нет сил задавать вопросы. Рыдания мешают мне свободно дышать, так что я не смогу выдавить из себя никакого другого звука.

Грудная клетка так сильно сжата, что кажется, будто сей-

час остановится сердце, и я просто умру. Мне еще никогда не было настолько больно.

Меня провожают через здание, мы входим с другой стороны, и на каждом шагу к нам присоединяется все больше громил. Я не вижу их лиц. Черные костюмы сливаются в одно смазанное пятно. Я только слышу голоса, стук обуви по кафельной плитке и мои собственные рыдания, которые я пытаюсь сдержать, но тщетно.

Мы выходим с другой стороны здания. Меня буквально зашвыривают на заднее сиденье джипа. С другой стороны садится Идрис. Я прижимаю к себе потрепанный букет, который был таким роскошным и так подходил к моему платью.

Машина трогается с места. Я складываюсь пополам и рыдаю, уже не сдерживаясь. Чем сильнее мы отдаляемся от ресторанного комплекса, тем больнее становится внутри.

– Человек, чью жизнь ты так отважно спасала, продал тебя, – спокойно произносит Идрис. – Если бы ты сказала, что готова посмотреть на то, как убьют твоего отца, но замуж за меня не пошла бы, я бы тебя отпустил. Но ты у нас девочка благородная. Решила спасти папочку ценой своей свободы.

Я чувствую, как закипает кровь. Как она клокочет в венах, бурля и на бешеной скорости проносясь по моему организму.

Резко разворачиваюсь и набрасываюсь на Идриса, целясь букетом в лицо.

– Сволочь! Скотина! Ненавижу! – реву, словно раненный

зверь.

Хлещу Идриса букетом, а он сначала прикрывается предплечьем, а после перехватывает мои руки и отшвыривает назад. Выхватывает у меня цветы и швыряет их на пустующее переднее сиденье.

– Истеричка! – рявкает так, что я вздрагиваю и вжимаюсь спиной в дверцу. Смотрю на громилу, смаргивая злые слезы. – Ты не на меня должна набрасываться, а на своих родителей, которые продали тебя, как скотину, только бы захапать себе завод, на который твой отец положил глаз. Ты выступила в качестве гаранта оплаты за этот завод.

От слов Идриса по коже бегут мурашки. Я в ужасе от того, что слышу.

– Это неправда, – качаю головой. – Мои родители никогда бы так не поступили. Может, это у вас там, в диких краях так принято. А у нас тут цивилизованный мир, в котором люди не продают своих дочерей.

– Ты разве не слышала? Твой отец не опроверг мои слова. Он сказал только, что через месяц будет готов оплатить свой долг передо мной.

Зажмуриваюсь и закрываю ладонями уши.

– Не хочу тебя слышать, – качаю головой. – Не хочу слышать! Замолчи!

У меня снова начинается истерика и длится до того момента, пока машина не останавливается. Я поднимаю голову и смотрю на частный самолет, стоящий на открытом про-

странстве аэродрома.

В висках пульсирует тупой болью. Глаза печет. Горло дерет от того, как долго и надрывно я плакала.

– Где мы?

– Летим в дикие края, – без тени улыбки отзывается Идрис и выходит из машины.

В самолете меня усаживают в кресло и пристегивают. Истерика миновала, и я впала в прострацию. Мне становится просто плевать на то, что будет дальше. Куда бы меня ни вез этот Идрис, что бы ни собирался со мной делать, плевать. С этого момента мне просто хочется стать маленькой мошкой, которую, возможно, размажут по стеклу в ту же минуту.

Самолет взлетает. Мне подают стакан с водой, я выпиваю ее до дна и через время просто засыпаю без сна. Просыпаюсь, когда самолет заходит на посадку.

Меня пересаживают в такой же джип, на каком мы ехали к самолету, и мы снова в дороге. Выехав из здания аэропорта, мчимся по трассе, по которой через время выезжаем на горную дорогу и продолжаем путь по ней. Чем выше поднимаемся, тем красивее открываются виды. Только вот они меня совсем не тешат. Потому что я не знаю, какой будет моя судьба.

– Что со мной будет дальше? – спрашиваю хриплым голосом.

– Ты теперь моя жена, Мелания, – спокойно отвечает Идрис, даже не глядя на меня. – У тебя будут определенные

обязанности, о которых тебе расскажут, когда мы доедем на место. Но главная твоя обязанность – делать так, чтобы твой муж был доволен. Исполняй супружеский долг, будь учтива, покладиста, и ты сможешь радоваться жизни, как и прежде.

– Как прежде уже никогда не будет, – произношу обреченно.

– Конечно, не будет. Теперь для тебя началась новая жизнь. Так что просто будь готова к ней.

– Я не могу подготовиться к тому, чего не знаю.

– Сказал же, тебе все расскажут.

Остаток дороги мы молчим. Спускаемся в долину, залитую солнцем, при этом с трех сторон окруженную скалистыми горами, внизу покрытыми деревьями. Выглядит так, будто я попала в какую-то книгу фэнтези или в сказку. Но на самом деле я попала в кошмар наяву. И он только разворачивается.

Из машины я выхожу на дрожащих ногах. Они настолько ослабли, что я едва могу передвигаться. Идрис опять подхватывает меня под локоть и тащит к огромному дому, у которого мы остановились. Из него выходит невысокая полноватая женщина в темно-синем платье и с косынкой на голове. Хмурясь, всматривается в нас.

Она что-то спрашивает на незнакомом языке, недовольно косясь на меня.

Могу себе только представить, как я сейчас выгляжу. Наверняка платье жутко потрепанное. Фата съехала немного

вбок, а красивая прическа, над которой колдовала мастерица целых два часа, растрепалась. Макияжа, наверное, совсем не осталось.

– Познакомься, мама, – отвечает он на русском. – Это моя жена, Мелания.

Женщина снова прищуривается и всматривается в меня внимательнее. Судя по этому прищуру, я ей пришлась не по душе. Может, и хорошо? Внутри меня даже появляется крохотная надежда на то, что она поможет мне сбежать отсюда.

– Ну заходи… дочка, – кивает на вход в дом. А потом переводит взгляд на сына и с улыбкой что-то говорит ему на том языке, который я не понимаю.

Дом роскошный. Большой. Три этажа, широкая лестница. Вдоль двух стен от входа тянется огромный аквариум с разноцветными рыбками. Я бы с удовольствием рассматривала их, если бы сейчас мне было не наплевать, кто там плавает: гуппи или акулы.

– Мелания, – зовет меня Идрис, и я оборачиваюсь. – Это моя мама, Шамай Ниязовна. Она старшая женщина в доме. Ты должна ее слушаться. Безоговорочно, – добавляет. – А сейчас иди переоденься и отдохни.

– Асият покажет тебе вашу с мужем спальню, – добавляет свекровь.

Словно тень, рядом со мной появляется женщина средних лет. Она тоже одета в темную одежду, как и мать Идриса. На голове темно-синий платок, повязанный под волосами, как

косынка. Выражение ее лица и взгляд намного мягче, чем у хозяйки дома. Она кивает мне на лестницу.

– Пойдемте, госпожа, я все покажу.

– Пф, госпожа, – фыркает за моей спиной эта Шаманка или как там ее?

Она быстро что-то говорит сыну на своем языке, а мы удаляемся и поднимаемся на второй этаж.

– Здесь комнаты Шамай Ниязовны и гостевые, – говорит Асият. – На первом этаже комната отца хозяина. Там же кабинет вашего мужа. Еще немного гостевых комнат, бильярдная, библиотека, закрытый бассейн и спортзал. Ваши с господином комнаты на третьем этаже. Там спальня, ваша личная гостиная, пустая комната, которая предполагается как ваша личная и пара детских, которые пока пустуют.

Она заводит меня на третий этаж и сразу открывает двойные двери, которые расположены в паре метров от лестницы. Отходит в сторону, чтобы впустить меня в роскошную спальню. Но я даже не смотрю в том направлении. Я хватаю служанку за руку и впиваюсь в ее лицо умоляющим взглядом.

– Асият, я вижу вы добрая женщина. Прошу вас, помогите мне сбежать. Идрис женился на мне насильно. Умоляю, помогите.

Выпаливаю все это скороговоркой и затаиваю дыхание в ожидании ответа…

Глава 3

Асият бросает на меня испуганный взгляд, а потом резко разворачивается и сбегает по лестнице вниз. Я провожаю ее взглядом и, схватившись за перила, смотрю вниз. Как только служанка скрывается из виду, я делаю тяжелый вдох.

Что ж, кажется, в этом доме мне никто не поможет.

Войдя в огромную спальню, залитую светом, осматриваю ее и подхожу к стеклянным раздвижным дверям, ведущим на большой балкон. У Идриса, кажется, гигантомания. Все, что его окружает, огромных размеров, как и он сам.

Выхожу на балкон и делаю глубокий вдох. Воздух настолько чистый, что кружится голова. После загазованного мегаполиса моему организму слишком много кислорода.

Вид на горы поражает. Как будто не хватает взгляда, чтобы впитать в себя эту красоту. Только вот она совсем не радует, потому что вся эта прелесть теперь моя собственная тюрьма.

Идрис наверняка привез меня именно сюда, потому что с этого места не выбраться. Я даже, черт подери, не знаю, что это за место. Где я нахожусь, непонятно. А спрашивать… на это уже тоже нет сил.

Развернувшись, иду к двери тут же в спальне. Хочу принять душ или ванну. Надеть пушистый халат, забраться под одеяло и снова забыться сном. Там, по крайней мере, нет Ид-

риса, который смотрит на меня своими темными глазищами, пугая одним своим присутствием.

Открываю дверь и включаю свет. Это коридор, который заканчивается ванной комнатой. По правую и левую сторону в коридоре входы в гардеробные. Та, которая слева, заполнена мужскими вещами. А та, которая справа, пустует. Дальше две двери в туалеты, а прямо – просторная ванная.

Справа под окном стоит ванна на ножках, в глубине помещения – большая душевая кабина, прямо – длинная столешница с двумя умывальниками, над которой висит длинное сплошное зеркало. Останавливаюсь напротив него и смотрю в собственное отражение.

Как я и думала, вид тот еще. Под глазами темные круги, макияж размазался, фату перекосило, волосы растрепанные. А выражение лица… Как будто я обречена. Хотя это, кажется, недалеко от правды.

Что же мне делать?

Я в который раз задаю себе этот вопрос, только ответа на него нет. Он будто повисает в воздухе, и я никак не могу поймать его, чтобы наконец понять, в какую сторону двигаться.

Пока набирается ванна, пытаюсь раздеться. Но платье на спине стянуто шнуровкой, до которой я не могу дотянуться. Тогда я начинаю рыться в ящиках под раковинами и наконец нахожу ножницы.

Просунув их под корсет спереди, начинаю просто разрезать его. Мелкие камешки, которыми отделан край лифа,

сыплются на пол с тихим цокотом, который едва слышен за шумом воды. Наконец мне удается разрезать корсет настолько, чтобы развернуть его и перерезать тесемки, которыми он затянут. Это проще, чем резать плотную ткань.

Сбрасываю остатки платья. Вуалевая многослойная юбка, которая еще утром казалась мне воздушной и невероятно красивой, теперь уродливым белым пятном валяется на темно-сером кафеле. Сбрасываю туфли и смотрю на свои белые чулки и красивое кружевное белье, которое я подбирала специально для этого случая.

К чему все это было? Если бы я знала, что окажусь в лапах чудовища, не стала бы так стараться. Надела бы какую-нибудь робу и перепачкала лицо сажей.

Ложусь в ванну и закрываю глаза. Меня начинает знобить, несмотря на то, что я лежу в горячей воде с ароматной пеной.

Внутри пустота. Как будто кто-то взял и выкачал из меня всю радость.

Я не вижу просвета в этом ужасе.

Вот так в один день совершенно свободная, счастливая девушка вдруг может превратиться в объект притязаний какого-то мужика, потому что ее отец…

Папа, как ты мог?! А мама?! Почему не остановила?

По лицу снова катятся слезы, но истерики уже нет. На нее не осталось ни сил, ни энергии.

Очень хочется сражаться за себя. Бороться за жизнь. За свою свободу. За радость, которую у меня так легко отобра-

ли.

Но что я могу против этого Идриса? Если я правильно понимаю, мой муж какой-то бандит, против которого не стоит даже пытаться выступать.

Муж…

Не за него я должна была сегодня выйти замуж. Не с ним делить постель и рожать детей.

Меня опять охватывает отчаяние. Оно стальными щупальцами впивается в мое сердце и сжимает так, что то начинает кровоточить.

Не знаю, сколько лежу в ванной, но вода в ней начинает остывать. Моюсь и еле выбираюсь. Силы меня окончательно покинули. Голова кружится, и мне приходится периодически зажмуриваться, чтобы комната не плыла так быстро.

Вытершись найденным в шкафчике полотенцем, беру оттуда же большой белый халат и, переступив ненавистное платье, заворачиваюсь и выхожу в спальню. Там ложусь на кровать и, закрыв глаза, тут же засыпаю. К счастью, мне опять ничего не снится, хотя обычно я вижу довольно яркие сны, которые даже запоминаю.

А просыпаюсь от шума воды в ванной. Вздрогнув, распахиваю глаза и смотрю в ту сторону.

Дверь в ванную открыта, так что я отлично слышу, что там происходит. Сжимаюсь сильнее и обнимаю свои колени, не сводя взгляда с проема, из которого падает свет в темную комнату. Я действительно долго проспала. Так долго,

что солнце давно село, и на улице успело даже стемнеть.

Вода выключается. Я слышу, как Идрис вытирается. Потом – жужжание электрической зубной щетки, которую я видела на раковине. Через несколько минут свет в ванной выключается, и я слышу приближающиеся шаги. Сердце пропускает удар, а потом начинает колотиться, как ненормальное, по мере приближения Идриса к кровати. Закрываю глаза, притворяясь спящей.

Он останавливается. Пару секунд стоит молча.

– Открывай глаза, Мелания, – произносит приказным тоном. – У нас сегодня брачная ночь. И я знаю, что ты не спишь.

Я сглатываю и покрываюсь мурашками от ужаса, думая о том, что он и правда намерен взять меня сегодня.

– Открывай, жена. Выполняй свой супружеский долг.

Глава 4

Резко сажусь на кровати и быстро перемещаюсь на другой край. Сжимаю полы халата и смотрю на Идриса. Он возвышается огромной горой, тень от которой неминуемо надвигается на меня.

Из источников света в спальне только лунный, который подсвечивает всю левую половину точеного тела моего мужа. Он и правда как гора. Накачанная, мощная и устрашающая. Каждая мышца четко прорисована. Каждая на своем месте.

На бедрах только черное полотенце, которое держится на честном слове и, кажется, на чем-то еще, потому что я вижу выпирающий бугор.

Сглатываю и чувствую, как лицо бросает в жар.

– Я не буду с тобой спать, – произношу хриплым ото сна голосом.

– Зря ты так думаешь, – отзывается Идрис и заваливается на вторую половину кровати на спину. Разворачивает полотенце и, обхватив свой твердый ствол, водит по нему рукой. – Иди и удовлетвори своего мужа. Это твоя работа.

Соскочив с кровати, отлетаю от нее на пару метров. В ужасе глазею на то, как этот исполин ласкает себя, не сводя с меня взгляда.

– Ни за что, – говорю севшим голосом и качаю головой. – Я на этот брак не соглашалась. Как и спать с тобой.

– Не заставляй меня вставать и ловить тебя, Мелания. Тебе не понравятся последствия, – отзывается низким голосом, а я вздрагиваю и сильнее сжимаю полы халата.

Не сводя взгляда с Идриса, потихоньку отступаю к ванной. Лучше я запрусь там и пережду ночь, пока он не уйдет… Куда он там уходит? На работу? Завтракать он наверняка спустится. Или вообще дождусь, пока уснет, а потом быстро спущусь вниз и спрячусь в какой-то из комнат.

Видя, что я не тороплюсь идти к нему, муж выпускает свой ствол и садится на кровати. Мое сердце дергается, словно в конвульсии. Как же страшно! А вдруг поймает и правда сделает со мной что захочет?

Идрис поднимается с кровати. Меня окатывает кипятком, когда он медленно надвигается на меня.

Мой взгляд мечется к выходу из спальни. Дура! Надо было идти туда, чтобы выбежать из комнаты и спрятаться от этого чудовища. А так сама могу загнать себя в ловушку.

Вскрикиваю, когда мой муж резко срывается с места. Я успеваю только дернуть ручку двери в ванную, но мне так и не удается открыть ее, потому что на нее ложится большая ладонь Идриса и резко захлопывает дверь. Второй рукой он хватает меня за локоть и, резко развернув, впечатывает спиной в дверь.

От испуга я вжимаю голову в плечи, а Идрис нависает надо мной, перекрывая мне свет.

– Кажется, ты не до конца понимаешь, что тут происхо-

дит, Мелания, – произносит тихо и как будто даже немного вкрадчиво. От этого тона становится еще страшнее. Даже кровь в жилах стынет. – Ты теперь моя жена. Моя собственность. Ты принадлежишь мне. Это не тот брак, где женщина делает что хочет, – он качает головой. – Это тот брак, моя дорогая, в котором ты делаешь то, что хочет муж. Выполняешь каждый мой приказ, удовлетворяешь каждое желание. Прямо сейчас я желаю трахнуть тебя и уснуть. Так что…

Он хватает за полы халата и резким рывком распахивает его. Потом бьет рукой по стене, и внезапно комната освещается мягким светом. Жадный темный взгляд скользит по моему телу. Останавливается на груди, прожигает ее, плавит кожу, как будто хочет заглянуть, что под ней.

Спускается ниже. Идрис чуть отстраняется, чтобы рассмотреть меня всюду. Вижу, как его достоинство дергается, словно в знак одобрения.

Я кривлюсь. Как же все это мерзко! Вульгарно!

Я не хочу такой первый раз! Первый должен быть красивым, чувственным, нежным. Разве это животное на такое способно?! Он ведь понимает, что я невинна, и даже не старается смягчить для меня этот процесс. Нет, он хочет, чтобы я вот так, когда не прошли еще даже сутки после нашего знакомства, взяла и запрыгнула на его…

– Подходит, – выносит вердикт.

Меня так корежит от этого “подходит”, что лицо перекашивает и я, замахнувшись, отвешиваю ему пощечину.

Когда звонкий шлепок повисает в пространстве, он как будто отрезвляет меня. Понимаю, что я натворила. Сглотнув, вжимаю голову в плечи и, не моргая, смотрю на Идриса.

Он чуть опускает голову и теперь смотрит исподлобья. Так он еще страшнее. До трясучки просто. Даже колени дрожат.

Его верхняя губа дергается, и мне кажется, что сейчас он набросится на меня и разорвет голыми руками. Такому монстру даже оружие не понадобится, чтобы уничтожить меня. Положит на одну руку и второй прихлопнет.

– Я… – произношу, но остальные слова застревают в горле. – Ай! – вскрикиваю, когда он хватает меня за щеки своей лапищей и вдавливает затылком в дверь.

– Кажется, ты не услышала, что я тебе сказал, – шипит Идрис. – Ты! Моя! Собственность! И ты будешь делать все, что я скажу.

Он так рявкает, что я вздрагиваю.

А потом подхватывает меня на руки и, наклонившись между ног, прижимается своим стояком к самой чувствительной части моего тела.

У меня от страха начинают бежать по щекам слезы. Смотрю на мужа сквозь влагу и всхлипываю, дрожа от ужаса.

Неужели изнасилует? Возьмет силой?

О каком красивом первом разе я тут фантазировала? Впору мечтать, чтобы он не убил меня, не говоря уже о том, чтобы получить хоть какое-то удовольствие.

– Чего ревешь, Мелания? – спрашивает резко. – Мечтала

сегодня оказаться в постели не со мной? О той маминой корзинке мечтала, которая тебя у алтаря другому мужику отдала? Он же даже ни слова не проронил. Просто стоял и смотрел, как я тебя забираю себе. Не шелохнулся. Такой мужик тебе нужен?

– Да! – выкрикиваю не сдержавшись. – Любой, только не такой варвар, как ты!

– Выбора у тебя все равно нет. Придется полюбить варвара, – усмехается, только в этой усмешке ни капли юмора.

– Никогда, – цежу сквозь зубы. – Никогда я тебя не полюблю. Слышал? Никог…

Не дав договорить, он снова сжимает мои щеки и, подавшись вперед, накрывает мои губы своими.

Глава 5

Идрис не церемонится, сразу врывается в мой рот языком, и его вкус взрывается на моем собственном. Он, словно яд, проникает в кровеносную систему, и отравляет ее, заставляя навсегда запомнить вкус Идриса.

Я пытаюсь вырваться. Отвернуться, но железная хватка на моей челюсти не дает этого сделать. Идрис трется об меня снизу, разжигая огонь, который я предпочла бы погасить. Но кто меня спрашивает? Этот мужчина просто берет то, что считает своим.

– Идрис, пожалуйста, – прошу, когда он на мгновение отрывается от моих губ. – Я… я девственница! – восклицаю.

Он прерывает поцелуй. Дышит тяжело, словно бежал несколько километров. Огромное тело вибрирует, вжимаясь в мое в самых чувствительных местах.

– У меня еще никого не было, – поясняю еще раз.

– Если бы кто-то был, то я бы тебя не женой сделал, а своей шлюхой.

Его слова взрывают что-то внутри меня.

Какова сволочь, а?!

– То есть, я должна благодарить тебя за то, что ты насильно женился на мне, а теперь пытаешься изнасиловать?!

– Изнасиловать? – хмыкает Идрис. – Мелания, не придумывай то, чего нет. Если бы хотел изнасиловать, ты бы даже

с кровати встать не успела, а сейчас рыдала бы, разорванная и окровавленная.

– Так это нежность? – кривлюсь. – В твоем варварском исполнении.

Его перекашивает от моих слов и он лупит ладонью по двери над моей головой. Я вздрагиваю и опять вжимаю голову в плечи.

– Еще ни одна женщина не жаловалась на секс со мной.

– Они все тебе врали, – выплевываю, словно проклятие.

Пару секунд он молча сверлит меня взглядом. Я уже жду, что он психанет, оттолкнет меня и свалит. Или хотя бы пойдет спать. Но вместо этого Идрис подхватывает меня под попку и несет к кровати. Укладывает на нее и нависает сверху.

– Если ты перестанешь видеть во мне врага… – произносит тихо, обдавая горячим дыханием мои губы.

– Это невозможно. Исключено! – перебиваю его.

– Ты сделала свой выбор.

Опять мои щеки в его ладони. Он сжимает их так, что мне приходится открыть рот, в который тут же врывается его горячий язык.

Идрис плавно двигает бедрами, трется о моей самое чувствительное местечко, и я с внутренней истерикой ощущаю жар внизу живота и то, как между ног становится влажно. Не хочу возбуждаться! Хочу ненавидеть его еще больше! И чтобы он слез с меня немедленно! И чтобы не приближался.

И пусть вообще заберет с собой свой аромат, который уже проникает в мои дыхательные пути и оседает там.

Его губы спускаются ниже и ниже. Скользят по скуле к шее. Там задерживаются, оставляя ряд едва ощутимых поцелуев, которые пробуждают мурашки. Потом он проезжает языком по нежной коже, и мои глаза сами собой закрываются.

Зажмуриваюсь. Могу ли я остановить Идриса? Хоть каким-то образом заставить его отступить?

Самое страшное, что мое желание тормознуть его тает буквально на глазах. Как будто каждым поцелуем он все сильнее подавляет мою волю.

Меня еще никогда так не целовали. Уверенно, с напором, с жаждой. Как будто я единственная девушка на планете.

И никогда так не ласкали. Мало того, что ни один парень еще не прикасался ко мне в интимных местах, меня даже не обнимали так, как это делает Идрис. Будто я и правда принадлежу ему. И не по принуждению, а по своему собственному желанию.

Его поцелуи спускаются ниже. Он притормаживает у моей груди. Зависает на мгновение, а потом сводит вместе полушария и набрасывается на них, словно оголодавший зверь. С негромким рычанием и такой жаждой, от которой темнеет в глазах. Облизывает, кусает, целует, зарывается в ложбинку носом и шумно втягивает воздух.

Эта его дикость… Я бы хотела, чтобы она меня оттал-

кивала. Хотела бы испытывать отвращение и ненависть. Но именно варварская сторона Идриса пробуждает во мне целый коктейль чувств. И отвращения там какого-то черта нет!

Я ведь знаю этого мужика всего один день! И ненавижу его!

Но почему-то пальчики на ногах поджимаются, когда он по очереди втягивает твердые пики в свой рот и терзает сжавшиеся горошинки до боли. Острой, яркой, которая вместе с горячей лавой проносится по моему телу и оседает внизу живота.

– Идрис, пожалуйста, – прошу дрожащим голосом.

Остатки разума, которые еще не превратились в желе, подсказывают, что надо остановить это, пока не поздно.

– Мне нравится, как ты просишь, – отзывается хрипло, покрывая поцелуями полушария. – Скоро ты будешь умолять, Мелания.

– Нет-нет, – качаю головой. – Не буду. Прошу тебя…

Не успеваю закончить предложение, как он прикусывает сосок, а его пальцы раздвигают мои нижние губки и проникают между ними, размазывая влагу.

– Мокрая, – рычит. – Чертовски мокрая и все равно сопротивляешься.

– Потому что… потому что…

Я не могу продолжить говорить, ведь то, что вытворяют его пальцы внизу, лишает меня дара речи. Я просто хватаю ртом воздух, которого недостаточно. Как будто из спальни

разом выкачали весь кислород.

Снова зажмуриваюсь и изо всех сил пытаюсь противостоять нарастающему возбуждению, которое жгучей лавиной уже несется на меня, грозя смести все на своем пути.

Я чувствую, как начинают дрожать мои бедра. Как внизу живота концентрируется горячее пламя, как…

Резко вздрагиваю, когда раздается стук в дверь.

Идрис поднимает голову и хмуро смотрит в ту сторону.

Я же умираю под ним. Между ног пульсирует. Дыхание сбито. Все тело объято огнем. Мн так жарко, что кожа покрылась мелкими бисеринками пота.

Снова стук.

Идрис, выругавшись на родном языке, вытирает свои пальцы о простыню и встает с меня. Я быстро прячусь под одеяло. Лицо пылает от стыда за то, что позволила мужу делать такое со мной.

Сейчас, когда все прекратилось, я особенно остро ощущаю и стыд, и свою боль и предательство собственного тела.

– Что там такое? – рявкает Идрис, когда стук повторяется. Он снова оборачивает бедра полотенцем.

– Идрис Хасанович! – раздается приглушенный голос Асият. – Шамай Ниязовне плохо! Кажется, у нее сердечный приступ!

Глава 6

Идрис срывается с места и, распахнув дверь, вылетает из спальни. Проходя мимо, Асият бросает на меня взгляд и тут же торопится к ступенькам. Я вскакиваю с кровати, тороплюсь к выходу из спальни и захлопываю дверь.

Меня всю трясет так сильно, что зуб на зуб не попадает.

Я наконец в полной мере осознаю, что только что произошло здесь. Мне кажется, комната до сих пор хранит запах нашего с Идрисом возбуждения.

Кошмар просто!

Влетаю в ванную, там – в душ. Быстро смываю с себя его поцелуи, запах и влагу между ног. Вытираюсь, хватаю с крючка халат и, завернувшись в него, выбегаю из комнаты. Мне надо спрятаться. Я больше не хочу в одну постель со своим мужем.

Сбегаю на второй этаж и слышу там суету из одной из комнат. Торможу на несколько секунд. Может, надо пойти узнать, как моя свекровь? Нет, думаю, я там буду только мешать.

Быстро сбегаю по ступенькам вниз.

Дыхание до сих пор сбитое, и меня все еще трясет мелкой дрожью.

Как?! Как я могла подпустить его к себе? Позволить ласкать. Прикасаться ко мне там, где никто до этого не касался.

Целовать, словно он одержим мной.

Хочется забиться в уголок и прорыдаться. Но я шестым чувством ощущаю, что это тоже чревато. Пока не знаю, чем и почему, но решаю не рисковать. Будто если хоть кто-то увидит мою слабость, меня скрутят в бараний рог.

В доме начинается суета. На первом этаже снуют пара служанок в длинных халатах и с испуганными лицами. Во дворе суетится охрана.

Я ныряю в боковой коридор и иду вдоль стены с аквариумом. Свет в нем выключен, но в синей подсветке я все равно вижу, как снуют яркие рыбки.

Прохожу мимо приоткрытой двери и торможу, когда слышу оттуда мужской голос:

– Зайди.

Замираю и оглядываюсь, не понимая, к кому обращаются.

– Мелания, зайди в комнату.

Сглотнув, приоткрываю дверь и заглядываю внутрь.

Это большая спальня. Не настолько просторная, как у Идриса, но больше среднестатистической. У окна стоит просторная кровать, на которой полулежа расположился крупный мужчина. В комнате горит только ночник на столике за его спиной, так что лица я не вижу. Но комплекция внушительная.

Над кроватью с потолка свисает какая-то конструкция, а сразу за ней стоит инвалидное кресло.

– Заходи, дочка, не бойся, – произносит мужчина мягко,

и я делаю шаг в помещение. – Подойди ближе.

Обхожу кровать так, чтобы видеть мужчину. Когда на его лицо падает свет, меня поражает его сходство с моим мужем.

– Доброй ночи, – здороваюсь тихо.

– Доброй-доброй, – с улыбкой произносит более старшая версия Идриса. Он окидывает меня взглядом и удовлетворенно кивает.

– Меня зовут Хасан Казимович, я отец твоего мужа. Твой свекор получается.

– Очень приятно. Я Мелания. Ну, вы и так это знаете.

– Красавица. Я не удивлен, что мой сын выбрал тебя. У вас будут красивые дети. – Я прикусываю изнутри щеки, чтобы не выпалить, что детей у нас не будет, потому что я не собираюсь спать с его сыном. – Что там за суета? – кивает наверх.

– Ваша жена… то есть, мама Идриса… Асият сказала, что у нее сердечный приступ.

– Очередной? – хмыкает мужчина.

– Очередной? И вы так спокойны? Это же опасно.

– Не опаснее простуды. По крайней мере, в случае Шамай. Скорая уже приехала?

– Не знаю.

– Выгляни в окно.

Я всматриваюсь во двор. Зажжены все фонари, ярко освещая пространство, но во дворе, кроме охраны, никого нет. Зато по дороге к дому мчится карета с мигалками.

– Едут.

– Ясно. Это надолго. Может, выпьем чаю?

– Чаю? – спрашиваю, снова бросая взгляд на Хасана Казимовича.

– Чаю, да, – кивает. – Ты вся дрожишь. Замерзла?

– Нет, просто… перенервничала. Я… – хочу сказать, что в этот дом меня привезли насильно, но насколько я могу раскрываться перед этим мужчиной, пока непонятно.

Ох, как же я ненавижу все это! Когда надо общаться с людьми так, будто ступаешь по тонкому льду. Подбираешь аккуратно каждое слово, чтобы лед не треснул, и ты не провалилась в ледяную воду, из которой можно не выбраться.

– Заваришь чай, – ласково произносит мой свекор, – И приноси сюда. Чай лечит. Практически от всего, – он бросает взгляд на инвалидную коляску.

– Я не знаю, где кухня, – признаюсь.

– Всевышний, тебя хоть кормили в этом доме? – Я молча качаю головой. – Ясно. Ну-ка подкати коляску ближе.

Хасан Казимович хватается за свисающую с потолка конструкцию и подтягивается. Потом приподнимается еще повыше и, свисая на тросах, пересаживается в кресло. Он делает это буквально за две секунды, я даже моргнуть толком не успеваю. Похоже, далеко не первый раз он проворачивает такое.

Застегивает ремень, который фиксирует его в кресле, устраивает ноги и берется за джойстик электропривода. Он в пижамных штанах, футболке и тонком вязаном кардигане.

На ногах – теплые носки, хотя сейчас июнь.

– Ну что? Полюбовалась? – с улыбкой и совершенно беззлобно спрашивает он. – Поедем пить чай?

– Простите, – краснею.

– Ничего страшного. Всем людям интересно смотреть на тех, кто от них отличается. Ты не исключение. Пойдем.

Он объезжает меня и выезжает из спальни. Мы двигаемся по коридору с рыбками.

– Ты уже видела мою коллекцию? – кивает на аквариум.

– Мельком.

– Завтра приходи, расскажу тебе про них. Если интересно, конечно.

– Обязательно приду, – киваю.

Кажется, у меня в этом доме появился союзник. Или, по крайней мере, человек, который не пытается сожрать меня или убить взглядом. Кто знает, может, именно мой свекор станет тем, кто спасет меня от его же собственного сына.

За аквариумами мы сворачиваем налево. В этот же момент слышим суету в доме. Во дворе уже стоит скорая, мигая огоньками. Проходим дальше, минуя официальную столовую, и попадаем на кухню. Она огромная и вся… блестящая. Глянцевая мебель начищена так сильно, что можно рассматривать свое отражение.

Свекор показывает мне, где что расположено, и я готовлю для нас чай. Он тем временем открывает одну створку огромного холодильника и достает прозрачный контейнер с

пирожными.

– Есть-то ты будешь? Или сладостями обойдемся?

– Обойдемся, – киваю.

При свете он еще больше похож со своим сыном. Не настолько огромный, как Идрис, но тоже очень крупный. Взгляд у него острый и пытливый. И когда Хасан Казимович окидывает меня им, становится даже как-то немного не по себе.

Наконец чай заварен, пирожные разложены по тарелочкам, и мы устраиваемся тут же, на кухне за обеденным столом.

– Пробуй, это очень вкусно, – кивает свекор на мою тарелочку.

Я заношу вилку, но даже не успеваю воткнуть ее в десерт, как на кухне появляется Идрис в пижамных штанах и с голым торсом.

– Вот ты где, – произносит, а я стараюсь не пялиться на эту груду мышц и не умереть со стыда от воспоминаний о том, что произошло в спальне.

– Как мама? – спрашивает Хасан Казимович и кладет в рот кусочек десерта. Чуть прикрывает глаза и смакует сладость. – Померла наконец?

Глава 7

Я в шоке глазею на Хасана Казимовича. Как он может такое спрашивать о своей жене? Или они не женаты? Просто родители Идриса, но больше их ничего не связывает?

– Врач вколол успокоительное, она отдыхает, – спокойно отвечает мой муж и наливает себе чай из заварника.

Устраивается за столом вместе с нами. Трет лицо рукой, а потом берет пирожное и откусывает прямо так.

Отец с сыном начинают обсуждать какие-то дела, то и дело перескакивая на свой язык. Я же стараюсь побыстрее расправиться со своим чаем, чтобы сбежать. Только куда, если Идрис теперь тоже на первом этаже? Вдруг он не разрешит тут остаться?

Судорожно втягиваю в себя воздух, и взгляд Идриса мечется ко мне.

Встаю под взглядами обоих мужчин.

– Я пойду. Спасибо за чай, Хасан Казимович.

– Мне-то за что, дочка? Тебе спасибо. Приходи завтра.

– Обязательно.

Бросив взгляд на мужа, разворачиваюсь и покидаю кухню. Сначала иду спокойно, а потом понемногу ускоряюсь. По мере того, как удаляюсь от кухни, иду все быстрее. Опять заскакиваю в то крыло, где расположена комната свекра. Пробегаю мимо нее и несусь в самый конец. Там открываю по-

следнюю дверь и вижу небольшую гостиную, со всех сторон окруженную стеклянными стенами. Как оранжерея, но без цветов. Две кадки с пальмами тут стоят, но этого недостаточно, чтобы зваться оранжереей.

Подхожу к окну в пол и смотрю на небо. Фонари во дворе погашены, горят только светильники на солнечных батареях, которые освещают дорожки, вьющиеся вдоль альпийских горок. Благодаря тому, что во дворе мало света, мне хорошо видно звезды и проплывающие по небу облака. Они то закрывают луну, то снова позволяют ей светить.

Обнимаю себя за плечи, впервые за все это время позволяя себе пожалеть себя.

До сих пор в голове не укладывается, как родители так могли поступить. Почему именно я выступила гарантом отцовских обязательств? Неужели нельзя было поручиться тем же заводом? И что вообще за необходимость в нем была такая, что даже дочь поставили на кон?

Как же от этого мерзко! Снова хочется помыться, потому что у меня такое ощущение, будто все тело облеплено мерзкой, липкой грязью.

Сажусь за диван, на котором нет пледа, зато есть подушки. Укладываю их под одну сторону и ложусь. Прячу ноги под большой халат, а руки – в рукава. Сжимаюсь в комочек и смотрю сквозь окно на очертания деревьев. Они покачиваются на ветру.

А потом картинка размывается, потому что в глазах скап-

ливаются слезы, которые начинают потоком литься по щекам и виску, исчезая в бархатной обшивке подушек.

Моя истерика нарастает, когда я в полной мере осознаю, что это конец. Теперь я буду жить в этом доме с абсолютно странными людьми. С Идрисом, который считает, что имеет право брать меня, когда захочет. Со свекровью, от одного взгляда которой хочется слиться с обстановкой. Со свекром, который вроде дружелюбен, но кто знает, каков он на самом деле? Может, они с шаманкой этой играют в плохого и хорошего полицейского. Вдобавок ко всему в доме, наполненном охраной и прислугой, скорее напоминающей безмолвные тени. Только Асият говорит со мной, но она тоже какая-то странная.

Я так долго рыдаю, что чувствую, как слабею. И в этот момент к дивану кто-то подходит. Если это свекровь, которая решила убить меня, плевать. Пусть длает, что хочет.

Но это не она. Сильные руки поднимают меня в воздух, и я прижимаюсь к голой груди мужа. Он не говорит ни слова. Выносит меня из гостиной и несет к лестнице, а потом поднимает наверх. Заносит в спальню, захлопывая двери ногой, а потом укладывает на кровать под одеяло. Сам ложится рядом и опутывает меня своими руками, словно прячет в кокон своих объятий.

Истерика постепенно проходит. Я только вздрагиваю и всхлипываю. Глаза настолько сильно опухли, что я даже не могу поднять веки.

И выпутаться из объятий Идриса не могу. Нет сил. Пусть обнимает. Мне парадоксально тепло и спокойно от этого, так что я не брыкаюсь, а просто улетаю в сон без сновидений.

Просыпаюсь от того, что мне очень жарко. Так жарко, что нечем дышать. И страшно. Как будто меня опутывают какие-то веревки. Они душат и душат. Сжимаются на моей коже, перекрывая кислород. Я хочу кричать, но выходит только какое-то мычание. Брыкаюсь, а потом вдруг меня сжимают сильнее, и я слышу голос Идриса:

– Тише-тише, это всего лишь сон. Всего лишь сон, Мелания. – Он говорит ласково. Его голос проникает в мою голову, разносится по кровеносным сосудам, пока не оседает в сердце, заставляя его замедлить ритм. – Я рядом. Тише, девочка. Ты не одна.

– Идрис, – всхлипываю.

– Я тут, – заверяет меня, а потом начинает покрывать поцелуями мое лицо. – Я рядом. Тише, Лана, тише.

Его губы скользят по моему лицу, руки начинают блуждать по телу.

Мне становится еще жарче. Буквально тело вспыхивает, и я сама почему-то тянусь к его губам.

Мне хочется обмануться.

Хочется немного поплавать в иллюзии, что в этом мире есть человек, которому я не безразлична. Что хоть кто-то может побыть рядом, когда мне так плохо и страшно. Защитить меня. Пожалеть. Обнять. И поцеловать…

Как только мои губы касаются губ Идриса, он тут же перекатывает меня на спину и придавливает своим телом. Его язык проникает в мой рот. Но в этот раз я не пытаюсь отстраниться и прекратить это. Наоборот, мой язык касается его, и он сплетаются в страстном танце, от которого все тело обдает кипятком.

Я обнимаю Идриса, скольжу пальцами по его широкой спине, собирая мурашки на гладкой коже.

– Лана, – произносит он между поцелуями, и я сильнее льну к нему.

А потом Идрис протискивает между нами руку и распахивает полы моего халата.

Я дрожу. Сама не знаю, это страх или возбуждение, которое горячей лавой уже несется по моему телу, оседая внизу живота.

Разум пытается достучаться до меня, напоминая, что я этого мужчину совершенно не знаю. Он чужой. Он забрал меня силой у моего жениха.

Но тут же я вспоминаю о том, что он не обидел меня и не пытался взять силой, а возбуждал, распаляя желание. Он собирался заняться со мной сексом не через силу, а пробудить во мне страсть.

– Идрис, – произношу дрожащим голосом.

– Я обещаю, ты не пожалеешь, – шепчет он и снова набрасывается на мои губы, пока стягивает с себя пижамные штаны.

Глава 8

Его губы повсюду. На моих. На шее. На скуле. Он прикусывает ее, и я чувствую, как меня бросает в жар.

Спускаются ниже и ниже. Большие ладони обхватывают полушария груди. Губы на твердой горошинке. Захватывают ее в рот, и меня выгибает от удовольствия, которое я раньше никогда не испытывала.

Зарываюсь пальцами в волосы Идриса, пока он играет с моей грудью, лаская ее и заставляя меня извиваться под его уверенными ласками.

Хочу остановить, в первую очередь, себя. Напомнить себе, что я не знаю этого мужчину. Да, он мой муж. Но он муж меньше суток! А я уже стону под ним и позволяю ему ласкать меня.

Он спускается ниже. Прокладывает языком влажную дорожку до пупка. Обводит его и двигается еще ниже. Меня затапливает жар возбуждения и как будто даже стыда. Никто не касался меня там. А он… раздвигает губки пальцами, и его горячий, упругий язык оказывается на самой чувствительной кнопочке моего организма.

– Ох! – вскрикиваю, и меня пробивает током.

Идрис кладет раскрытую ладонь на мой живот и буквально вжимает меня в матрас.

Начинает вырисовывать замысловатые узоры на моей го-

рошинке, пока я сгораю в пламени. Мне кажется, покраснели даже кончики волос, настолько мне жарко и невыносимо приятно. Хочется, чтобы он остановился и в то же самое время, чтобы продолжал. Эти ласки… они горячие, сводящие с ума и такие острые, что нечем дышать.

– Идрис, – произношу сдавленным голосом, чувствуя, как тело начинает мелко подрагивать. – Я… Идрис…

Он приподнимается и ведет расслабленным языком вверх по моему телу. Снова сводит вместе полушария груди и скользит языком между ними. Немного пошло, но так приятно, что кожа покрывается мурашками.

Наши губы встречаются. Язык Идриса сразу ныряет в мой рот, и я чувствую собственный вкус, смешанный со вкусом мужа. Снова пошло. Снова слишком интимно. Но куда уж интимнее, чем то, что сейчас происходит между нами?

Он скользит своим стволом между чувствительных губок, и я снова вздрагиваю. Вверх и вниз, снова доводя меня до исступления. Все то время, что мы целуемся, он двигает бедрами, вознося меня на новый уровень возбуждения.

Я чувствую, как внизу живота зарождается жар. Все тело покрывается мелкими бисеринками пота, и начинает кружиться голова.

Я задыхаюсь. Хватаю кислород опухшими от поцелуев губами. Идрис делится собственным и, наверное, только это меня и спасает.

Его рука проскальзывает между нами, и пальцы ложатся

на мою чувствительную точку. Ласкают, и стоны становятся громче. Меня всю уже трясет так, что зуб на зуб не попадает. И вдруг я замираю, когда Идрис пристраивается у моего входа и проникает в меня только кончиком. Сжимаюсь вся, испуганно глядя на мужа в темноте комнаты. Я не вижу нормального его лица, но могу рассмотреть блеск глаз.

– Ш-ш-ш, я не обижу, – шепчет он, касаясь моих губ своими. – Не обижу, Лана. Обещаю.

Его пальцы ускоряются, и страх смешивается с удовольствием. Острым, горячим и тягучим, словно патока.

Что мне делать? Как избежать боли?

Я не успеваю даже нормально додумать эту мысль, как одновременно случаются две вещи. Я взрываюсь и дрожу от оргазма, и в этот же момент муж резким рывком разрывает преграду и оказывается во мне целиком.

Я вскрикиваю, и Идрис ловит мои крики и всхлипы, снова накрыв мои губы своими.

Боль смешивается с удовольствием. Мои внутренние мышцы пульсируют, а ствол Идриса ощущается во мне слишком большим и слишком твердым. Он растягивает мои стеночки, которые сжимают его в пульсирующих тисках.

– Ш-ш-ш, умница, моя девочка. Жита, – шепчет и снова целует.

– Что?

– Кошка, – поясняет. – Жита – это кошка. Ты так красиво извиваешься. И звуки издаешь, как довольная кошка.

– Идрис, мне страшно, – признаюсь.

– Больше бояться нечего. Ты со мной. Ничего не бойся, Жита.

Сразу после этих слов он, снова накрыв мои губы, начинает двигаться. Медленно, плавно. Выходит почти полностью, а потом аккуратно погружается.

Я закрываю глаза и чувствую, как меня качает на волнах нового для меня удовольствия. Да, оно смешано с болью, но от того как будто кажется острее. Без боли было бы, наверное, приятнее, но это мой первый раз, и я не жду чего-то особенного.

Обнимаю мужа за мощные плечи. Притягиваю к себе ближе, чувствуя, как его горячая кожа практически прилипает к моей. Это ощущение… оно какое-то немного странное, но вместе с тем приятное.

Все это время, пока мы целуемся, бедра Идриса не перестают двигаться. Он мягко берет меня и целует, пока губы не начинают гореть от его нежных атак.

А потом он ускоряется. Чуть выше задирает мое бедро и удерживает его рукой, положив горячую ладонь на мою попку. Толчки становятся резче, мои стоны – громче. Идрис негромко рычит, через несколько секунд уже вколачиваясь в меня. Я каким-то образом осознаю, что это он берет меня еще не в полную силу. Если бы он совсем разошелся, я бы, наверное, не выдержала этого напора.

Несколько быстрых толчков, и я чувствую, как мои

внутренние мышцы снова начинают сжиматься. Ощущение немного притупленное по сравнению с тем, что я испытывала раньше. Но я вообще не ожидала, что смогу еще раз получить удовольствие.

Непроизвольно впиваюсь ногтями в упругую кожу Идриса и царапаю его плечи, когда он ускоряется и стремительно подводит нас обоих к оргазму.

Я взрываюсь первая. Выгибаю спину и хрипло, сдавленно стону. А он летит сразу за мной после пары толчков. Наполняет меня своим удовольствием, и я наконец позволяю себе расслабиться.

– Я стану для тебя всем, Мелания, – хрипло произносит мой муж. – Мужем, мамой, папой, целым миром, слышала? Главное, не пытайся бороться со мной. Это бесполезно.

Глава 9

Проснувшись одна в постели, потягиваюсь. На лице улыбка. Мышцы чувствительны даже в тех местах, о существовании которых я даже не подозревала.

Может, все будет не так плохо, и Идрис нормальный мужчина? По крайней мере, он не такой трус, как мой бывший жених. И не предатель, как родители.

Ужас. Как вспомню о событиях последних суток, аж в дрожь бросает. Но, похоже, мой муж – это как раз меньшее из зол.

Привожу себя в порядок и вижу, что меня в гардеробе уже ждет темно-зеленое платье и легкие балетки. Не считая нижнего белья. Надеваю на себя все это и выхожу из спальни.

– И что? – слышу голос свекрови со второго этажа. – Она так и будет спать по полдня?

– Мама, она моя жена, а не служанка. Не обязана делать дела по дому. Только если сама захочет.

Ага, захочу, конечно. Прямо бегу, волосы назад. Я не белоручка, но какого черта, спрашивается?

Останавливаюсь возле лестницы и прислушиваюсь дальше.

– Я вставала в пять утра, когда вышла замуж за твоего отца. Готовила завтрак мужу и его семье. Намывала дом, кормила скотину, готовила еду. Делала все, Идрис! Все и даже

больше. Никто не говорил мне, мол, она жена, не обязана.

– Так, я все сказал. Мне пора. Раз ты уже хорошо себя чувствуешь, тогда я поехал.

– Ой, да где там хорошо? – стонет она. – Сердце до сих пор болит.

– Врач сказал, что у тебя все отлично с сердцем.

– А давление шалит! Слышал же? Вчера на скорой померяли, а оно повышенное! Это все ты делаешь. Добавляешь мне поводов понервничать.

– Сегодня приедет реабилитолог, – отзывается Идрис, игнорируя слова матери. – Надо, чтобы отцу кто-то помог.

– Я не могу, я плохо себя чувствую.

– Ясно.

Слышу твердые шаги, а потом вижу, как Идрис спускается по лестнице. Делаю два шага назад, чтобы он меня не увидел. Дожидаюсь, пока выйдет из дома и закроет дверь, и только потом сама начинаю тихо пускаться.

– Слышала, как он со мной разговаривает? – снова голос свекрови. – Как будто с чужой.

– Не говорите так, Шамай Ниязовна, – а это уже голос Асият. – Идрис очень вас любит. Вчера позаботился, когда вам стало плохо.

– Девку эту притащил! Мало ему Каримы? Нет, ее выслал, а притащил русскую девку! Наверняка она даже не невинна!

– Госпожа, вам нельзя нервничать. Поешьте. А я пойду покормлю Хасана Казмовича. Он, наверное, уже тоже

проснулся.

– Ох, никто не щадит меня, – причитает свекровь.

С ее этажа выходит Асият и застывает, увидев меня. Ее взгляд мечется в сторону спальни моей свекрови, а потом – снова ко мне.

– Доброе утро, – произношу спокойно и продолжаю спускаться.

– Доброе, – летит мне в спину. – Мелания, где предпочитаете позавтракать?

– Я предпочитаю позавтракать с Хасаном Казимовичем, если он согласится, – отвечаю, не оборачиваясь, и иду сразу в спальню свекра.

Пока топаю, хмурюсь в попытке понять, о ком говорила свекровь. Кто такая Карима, и почему ее выслал Идрис? Может, девушка, с которой он встречался?

Стучусь и, получив разрешение, захожу в спальню свекра. Он уже сидит в кресле перед окном.

– О, Мелания, доброе утро! – восклицает с улыбкой. – Позавтракаешь со мной?

– С удовольствием. Я поэтому и пришла, не люблю есть в одиночестве.

– Вот еще одна наша общая черта, как и любовь к сладостям. Асият, – смотрит мне за плечо, – накройте на террасе, день хорош.

Мы располагаемся на улице с другой стороны дома, во внутреннем дворе. Здесь я еще не была.

На террасе большой стеклянный стол с креслами вокруг него. Уровнем ниже – бассейн и небольшой сад, а еще ниже – мини гольф-поле.

– Играешь? – спрашивает мой свекор, когда видит, что мой взгляд задерживается именно на этой зоне.

– Нет, – качаю головой, – не доводилось пробовать.

– О, ты непременно должна попробовать. Шамай очень любила гольф. Когда строил этот дом, предусмотрел для нее мини-поле, чтобы могла развлекаться. А она со временем поостыла к нему.

– Это вы построили?

– Не прямо своими руками, но да, это я строил этот дом.

– Он потрясающий, – произношу честно.

Если бы только не отравляющая токсичная атмосфера… Но вслух я этого, конечно, не говорю.

– Спасибо, дочка. Планов было еще море, но видишь, неудачная бандитская пуля, и я в инвалидном кресле.

– В прямом смысле пуля? – обалдеваю я.

– В прямом. Большой бизнес всегда был сопряжен с большими проблемами. Не всем везет в них выжить. Мне повезло. Правда, я в тот день потерял возможность двигаться, а заодно и жену, похоже, – с грустью добавляет он.

Мне хочется расспросить его, что случилось с их отношениями. Судя по тому, что свекор рассказывает, он для Шамай Ниязовны дом построил, поле вон предусмотрел. Значит, любил ее. Интересно, а она его любила? Такая,

как моя свекровь, кажется, из той категории женщин, которые любить умеют только себя. Самозабвенно и безусловно. Остальные просто должны быть для них удобными.

Жалко Хасана Казимовича. Он кажется хорошим человеком. Такой заслуживает счастья с любимой женщиной.

Асият и еще одна женщина расставляют на стеклянном столе блюда. Эта женщина с интересом поглядывает на меня, после чего они вместе удаляются, а мы располагаемся за столом. Приступаем к завтраку.

– Когда я травмировался, Шамай была в положении. От волнения она… Гм, в общем, у нас один сын, Идрис.

– И она не смогла простить вас за это?

– Она просто не справилась. Я долго балансировал на грани жизни и смерти. А потом… Я сам виноват. Закрутил роман с врачом, которая спасала мою жизнь. А Шамай очень ревнива. С тех пор все и покатилось под откос.

– А ваш диагноз… Ну, то есть, ваше положение… Это навсегда? Простите, если лишнее спрашиваю.

– Не навсегда, шансы есть. Но стимула встать нет. Как будто я потерял цель. Поэтому реабилитация идет медленно.

– Если вы себе в этом признаетесь, значит, цель еще не потеряна. Скажите, вы все еще любите свою жену?

Хасан Казимович смотрит на меня, прищурившись.

– На данный момент я готов ее удавить.

– Значит, любите. И, значит, стимул есть. Я помогу вам снова встать на ноги.

– Ты физиотерапевт?

– Нет, – качаю головой. – Я просто буду напоминать вам, ради чего вы это делаете.

На лице свекра расплывается улыбка.

– Ну попробуй, – дает он разрешение.

– Вы как будто бросаете мне вызов.

– А я и бросаю его. Очередной твой вызов в этом доме.

– Что значит “очередной”? – улыбаюсь, но это слово меня настораживает.

– Тебе здесь будет не так просто, Мелания. Боюсь, вызовов будет множество.

Глава 10

– К Хасану Казимовичу нельзя.

Асият останавливает меня в паре метров от комнаты свекра. Я не навещала его после уходи физиотерапевта, а теперь решила пригласить разделить со мной ужин. Но экономка встала перед дверью, словно охранник.

– Почему? Я просто хотела пригласить его поужинать.

– В дни физиотерапии он не ужинает. По крайней мере, после нее. И просит его не тревожить.

Я склоняю голову набок. Вытягиваю губы трубочкой, глядя на служанку.

– Асият, уходя на встречу с физиотерапевтом, мой свекор сказал, что мы сегодня еще увидимся.

– Не надо вам к нему ходить, я же сказала.

Она произносит это так, будто я тут… не знаю, прислуга, которая пришла помыть полы в сейфе хозяина дома. Задираю подбородок и смотрю на экономку свысока. Я пыталась говорить нормально, но раз тут каждый считает, что может приказывать мне, пора мне проявить свой характер.

– Шамай Ниязовна запретила, – добавляет Асият.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

– А разве я спрашивала у нее разрешения? Или, может, у вас? Хозяин этой комнаты Хасан Казимович, и только он может запретить мне входить. А теперь шаг в сторону.

Взгляд Асият становится острее. Она недовольно сжимает челюсти, но все же отходит от двери. Стучусь.

– Хасан Казимович, это Мелания! Можно войти?

– Заходи, дочка, – отзывается он.

Стреляю взглядом в служанку. Та поджимает губы и сваливает, а я захожу к свекру.

– Мне сказали, что вы не ужинаете в дни терапии, – говорю сразу от входа. Он переводит на меня взгляд, и я хмурюсь.

Моего свекра как будто подменили. Несколько часов назад у него был живой взгляд, подвижное лицо. А сейчас… будто кто-то взял и выкачал из него жизнь.

– Что-то случилось? – спрашиваю. – Асият не хотела впускать меня к вам.

Обхожу кровать и сажусь на край.

– Потому что обычно в такие дни я никого не хочу видеть.

– Так больно проходить терапию?

– Не в этом дело. После нее я чувствую себя дряхлым стариком.

– Вы не такой. Но позвольте поинтересоваться, сколько вам лет.

– Пятьдесят четыре.

– Сколько?– вытягивается мое лицо. – Да вы еще молоды! Такой импозантный мужчина, полный жизни и энергии! А лежите тут… Так, давайте-ка поднимайтесь, я отвезу вас на ужин.

– Мелания, – качает он головой.

Я вскакиваю с кровати и ставлю руки в боки. Сверлю взглядом своего свекра. Чувствую, что лезу не в свое дело, но я же обещала ему напоминать, ради чего он должен встать с постели.

– Даже слушать ничего не хочу, – качаю головой. – Мы сегодня договорились, что я помогу вам. Это первый шаг. И если вы думаете, что я от вас отстану, то сильно ошибаетесь. Знаете, на кого я учусь? На врача. Но не это самое главное. А то, что у моих родителей есть возможность оплачивать мне учебу, но я настолько упертая, что поступила на бюджет. Как думаете, большой конкурс на лечебный факультет?

– Большой, – улыбается Хасан Казимович.

– Вот именно! Огромный! Но я смогла!

– Ты умница, – кивает.

– Нет! Вы не сможете перевести тему. Этим я хочу показать вам, что я очень упертая в достижении своих целей. Так что… я иду распорядиться насчет ужина, а вы пересаживаетесь в кресло, расчесываете волосы и едете на террасу. Ужинать будем тоже там.

Разворачиваюсь и решительно топаю к двери. Откровенно говоря, эта мнимая выволочка свекру была нужна не только ему, но и мне. Я снова чувствую себя полной жизни. Нужной. Посе того, как узнала, что отец продал меня за завод, я очень нуждалась в этом чувстве.

– Мелания? – зовет меня свекор, когда я дохожу до двери. Оборачиваюсь. – А ты играешь в нарды?

– Нет, – качаю головой. – Не умею.

– А научиться хочешь?

– С удовольствием. После ужина.

Подмигнув свекру, иду на кухню, чтобы найти вторую служанку и распорядиться об ужине. Сама же выхожу на улицу и вдыхаю ароматы летнего вечера. Слышу жужжание и стрекот насекомых, где-то неподалеку лает собака. Такие уютные звуки, что сжимается сердце.

Спустившись с террасы, иду гулять по заднему двору. Сажусь на скамейку в саду и, подняв голову, позволяю пробивающимся сквозь листья теплым солнечным лучам ласкать мою кожу. Потом перевожу взгляд на дом. Окидываю взглядом монументальное строение, задержавшись на открытом окне. Вижу свою свекровь. Она стоит и смотрит прямо на меня. Завернутая в вязаную шаль, она сверлит меня. Я не вижу с такого расстояния ее глаз, но чувствую взгляд, которым, мне кажется, она могла бы испепелить.

Смотрю на террасу, на которой появляется Хасан Казимович. Он даже футболку переодел, и это вызывает во мне улыбку.

Вскочив со скамейки, тороплюсь к свекру. И нам тут же выносят наш ужин. Мы принимаемся за еду. Я прошу его рассказать, как строился этот дом, и весь ужин мы проводим в обсуждении этой темы.

А после ужина тарелки нам заменяют чашками с чаем, блюдцами с пирожными и доской для нардов. Хасан Кази-

мович раскрывает доску. Я отодвигаю чашки с чаем.

– Смотри, – говорит мой свекор. – Это доска для игры в короткие нарды. Это шашечки. Треугольники – это пункты. Посередине, – он показывает на переборку между двумя частями поля, – это бар. Твоя задача…

Правила вроде просты, но, конечно, надо потренироваться, чтобы запомнить, что мы и делаем. Едва не забываем выпить свой чай, пока он окончательно не остыл. Потом продолжаем игру.

– А ты знала, что игра в нарды настолько древняя, – говорит мой свекор, – что никто не знает, какой народ и правда их изобрел? Аналог этой игры был даже обнаружен в гробнице самого Тутанхамона. А самую древнюю доску нашли на территории Ирана.

– Впрочем, как и все игры, – киваю. – Обычно невозможно установить ее истинное происхождение.

– Считается, что люди играют в нарды уже более пяти тысяч лет, – раздается от входа в дом, и я поворачиваю голову, чтобы столкнуться взглядом с Идрисом. Он подмигивает мне и идет к нам, а я чувствую, как вспыхивает лицо, стоит мне вспомнить о том, что произошло ночью. Муж садится напротив меня и смотрит на отца. – Я рад, что ты на террасе. Физиотерапевт был?

– Был, – кивает его отец. – Но мы сейчас говорим не о моем здоровье, а о нардах. Твоя жена не умела в них играть. Но я научу ее так, что она станет тебе достойным соперником.

– Хорошо, если только в нардах. Во всем остальном Мелания должна быть покорной женой, разве не так?

Глава 11

Идрис

По дороге домой набираю своего помощника, Батыра.

– Пахомов не связывался с тобой?

– Нет, Идрис. Кажется, этого идиота устраивает, что он получил завод взамен на дочь.

– Шакал, – цежу. – Ладно. Завтра как договаривались.

Кладу трубку и набираю Кариму.

– Идрис, я ждала твой звонок, – отвечает на втором гудке. – Когда мне ждать тебя?

– Пока не знаю. Скоро. У тебя все нормально?

– Да. Только очень соскучилась.

Игнорирую ее слова. Она знает, что меня они не тронут, но все равно каждый раз произносит это. Пока меня это не раздражает, пусть тешит себя мыслью, что ее признания каким-то образом могут изменить ситуацию.

Попрощавшись, кладу трубку и смотрю на пролетающий мимо пейзаж. Вздыхаю, потому что понимаю, что пару дней отец опять не выйдет из комнаты. Так происходит каждый раз после физиотерапевта. Отец злится, что не может встать на ноги сразу после процедур, поэтому вообще перестает вставать с кровати. Надо будет настроиться на разговор с ним, через пару дней зайти, снова уговорить, чтобы он встал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.